

МНЕНИЯ И СУЖДЕНИЯ

УДК 330.875

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ИДЕЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ

Б. В. Корнейчук

Влияние религии на экономику рассматривают с двух разных позиций: большинство зарубежных авторов следует позитивному эмпирическому подходу, а отечественные работы обычно носят нормативно-философский характер. Основную причину отставания российской науки в области эмпирических исследований религии мы видим в деформации базовых принципов ее изучения, что выражается в принятии идеи религиозного монополизма. В статье определены методологические принципы изучения роли религии в экономике, выявлены источники, формы проявления и негативные последствия религиозного монополизма. Показано, что религиозный плюрализм является предпосылкой проведения всесторонних эмпирических исследований.

Ключевые слова: методология экономической науки, господствующая религия, христианская экономика, православный банкинг, этическая экономия, модель рынка религий, экономическое поведение

Введение

Религия влияет на экономическую практику двояко, она воздействует на экономическое поведение части населения и одновременно выступает «производителем» особых духовных благ. В экономической науке определились два различных подхода к изучению фактора религии: если в развитых капиталистических странах исследования основаны на анализе эмпирических данных и позитивном подходе, то в странах с переходной экономикой, в которых принцип свободной конкуренции не стал институциональной нормой, работы часто имеют нормативный философский характер. В отечественной экономической литературе доминирует второй подход, что обусловлено, в том числе, текущими общественными условиями и длительным влиянием на социальные институты монополии коммунистической идеологии. Так или иначе, мы отмечаем отставание отечественной экономической науки в области эмпирических исследований фактора религии. Мы видим причину такого отставания в искажении базовых научных принципов изучения религии, заложенных А. Смитом и М. Вебером, что выражается, прежде всего, в широком использовании принципа религиозного монополизма в работах отечественных экономистов. В статье определены методологические основы исследования роли религии в экономической науке, выявлены источники, формы проявления и последствия религиозного монополизма,

рассмотрены плодотворные направления эмпирических исследований, способные развиваться лишь в условиях религиозного плюрализма.

Разграничить религию и экономическую науку

Особенность религии как объекта научных исследований состоит в том, что она, как и наука, является сферой духовной жизни. Поскольку наука исторически сформировалась на основе религии, она не могла не сохранить некоторых ее черт. Переплетение элементов науки и религии в работах ряда современных экономистов мы считаем значимой методологической проблемой, а размежевание науки и религии — актуальной задачей и необходимой предпосылкой объективного изучения религии как экономического фактора.

Религия и эмпирическая наука стремятся к истине, но двигаются к ней разными путями. Для ученого этот процесс начинается с гипотезы, которая считается истиной лишь после ее доказательства принятыми в науке эмпирическими методами. В религии отношение к истине принципиально иное, она опирается на постулаты двух видов, которые априори признаются истинными лишь на основе веры в их истинность. Постулаты первого рода — это этические императивы, которые не требуют эмпирических доказательств и относятся к предмету философии хозяйства. Постулаты второго рода — это признание истиной неко-

торых исторических событий или физических явлений, истинность которых не доказана эмпирической наукой. В то время как верующий считает такие утверждения истиной, для ученого они являются лишь гипотезами.

Таким образом, то или иное суждение о религии может претендовать на научность лишь в том случае, если все постулаты религии, имеющие форму реальных событий, но не подтвержденные научными методами, четко и недвусмысленно трактуются исследователем как гипотезы, но не достоверные факты. При научном подходе каждую религию следует рассматривать как взаимосвязанную систему постулатов (императивов и гипотез), причем такие системы часто являются несовместимыми. Атеизм, как позиция, отрицающая все религии, также рассматривается нами как гипотеза и разновидность веры.

Методологические основы научного изучения религии заложены М. Вебером и сводятся к следующему. Во-первых, противоречие между наукой и религией непреодолимо, несмотря на существование теологии: наука есть «особенно чуждая Богу сила», поэтому нелепо рассматривать ее как «путь к истинному Богу». Во-вторых, целью исследования религии не может быть оценка ее идейного содержания, так, Вебер стремился определить влияние религии на становление капитализма, сознательно избегая ценностного сравнения религий. В-третьих, ученый основывал свои суждения на анализе статистических данных, в частности, исследовал удельный вес протестантов среди владельцев капитала и предпринимателей [4]. В-четвертых, изображение сущности любой религии Вебер рассматривал как «идеальный тип» в логическом (абстрактном) смысле, но не в практическом смысле. Поэтому элементарным долгом самоконтроля ученого он считал «резкое разделение между сопоставительным соотношением действительности с идеальными типами в логическом смысле слова и оценочным суждением о действительности, которое отправляется от идеалов» [4, с. 198–199].

Религиозный монополизм: за и против

Принцип религиозного плюрализма предполагает бесстрастно-нейтральное отношение ученого к разным религиям. Абсолютизация какой-либо одной религии, или религиозный монополизм, означает признание истинности только этой религии, что входит в противоречие с базовыми методологическими принципами экономической науки. Религиозный монополизм ученого ставит под вопрос научную

ценность его выводов и, кроме того, вызывает эмоциональное их неприятие приверженцами других религий. Мы полагаем, что именно поэтому нельзя найти открытую поддержку какой-либо одной религии в большинстве работ, составляющих «золотой» фонд экономической науки, в то время как многие их авторы были верующими. Однако в отечественных научных работах мы нередко встречаем признаки религиозного монополизма, например, утверждение, что «экономическая сфера может успешно развиваться только исходя из принципов Русской Православной Церкви» [8, с. 193].

Религиозный монополизм, как любая монополия, негативно влияет на общество, что показал А. Смит в «Богатстве народов». Он распространил принцип свободной конкуренции на систему религий, которые конкурируют между собой в стремлении увеличить свое влияние в обществе. При этом он приписывал центральную роль на «рынке религий» государству, которое поддерживает официальную религию, а та, в свою очередь, укрепляет власть правителя. Если бы господствующая религия не призывала на помощь политику, если бы правящая партия не поддерживала учение одной религии в ущерб другим, то каждый человек мог бы свободно выбрать себе религию, и тогда число религий стало бы значительно больше. При усилении конкуренции возрастет качество «религиозного продукта», так как священники теперь «вынуждены учить ...чисто-сердечию и умеренности, которые так редко можно встретить среди проповедников больших сект». Поэтому в небольших религиозных сектах нравственность прихожан отличается «замечательной устойчивостью и чистотой, обычно оставляя далеко позади себя членов официально признанной церкви» [19, с. 731, 735].

Тесная взаимосвязь религиозного и политического монополизма обоснована Э. Фроммом с позиций психологии. Он видел задачу господствующей религии в том, чтобы «предотвращать любую психологическую независимость со стороны народа, интеллектуально его устрашать, приводить его в состояние социально необходимого инфантильного послушания властям» [22, с. 429]. В рамках институционального подхода Т. Веблен пришел к сходному выводу, что христианские культы содействуют сохранению «склада ума, благотворно сказывающегося на развитии различий в статусе, благоприятствующего сохранению соответствующих режимов». Поскольку социальная иерархия препятствует приспособлению ин-

ституты, то закрепляющие ее религиозные обряды также препятствуют более эффективной организации производства [6, с. 289–291].

В экономике идея религиозного монополизма выражается в стремлении построить теорию хозяйства, основанную на постулатах одной религии. Такую позицию отстаивал С.Н. Булгаков, он считал, что возможна и даже необходима христианская политическая экономия, «которая ставит и разрешает вопросы экономической жизни при свете и духе христианского учения» [2, с. 173]. Иного подхода придерживался М.И. Туган-Барановский, который являлся верующим христианином и одновременно противником религиозного монополизма. Ставя во главу экономики духовные ценности, он сумел интегрировать в свою теорию общезначимые этические принципы и тем самым создал этическую политическую экономию. Несмотря на принципиальное различие методологических принципов двух ученых, их позиции обнаруживают сущностное сходство. Во-первых, они постулировали приоритет религиозных ценностей: Булгаков называл человека «существом религиозным» [3, с. 6], а Туган-Барановский признавал религиозную потребность высшей потребностью, считая нравственность в значительной мере результатом религиозных влияний [20, с. 2–28]. Во-вторых, учение о равенстве людей строится обоими авторами на основе неких высших принципов, лежащих вне сферы хозяйственной жизни. По Булгакову, это учение «проповедано Евангелием» и «основывается на религиозном учении о природе человеческой души и ее отношении к Божеству» [1, с. 301]. Туган-Барановский опирается на философию Канта, что позволяет ему избегать религиозной терминологии: «в каждом человеке, даже самом низком, есть нечто имеющее абсолютную ценность, ценность превыше всего — это его человеческая природа» [21, с. 16]. В-третьих, оба мыслителя не признают экономический рост абсолютным благом, указывая на возможные цели использования богатства. Булгаков отмечает, что ростом богатства общество может воспользоваться «как условием духовного роста, как путем ко Христу, но может употребить его и совершенно иначе» [2, с. 167]. Туган-Барановский также с позиций морали противопоставляет два способа использования распределения: гармоническое хозяйство имеет единственной целью удовлетворение потребностей людей, а в антагонистическом хозяйстве трудящиеся служат целям других людей, и поэтому производство не достигает своих естественных

целей. Сущностное сходство «христианской экономики» Булгакова и «этической экономики» Туган-Барановского позволяет сделать вывод, что при конфессиональном подходе к построению политической экономики основу теоретической конструкции составляют этические постулаты религии, а поэтому «христианскую экономию» с достаточным основанием можно характеризовать как «этическую экономию». Поэтому мы не можем безоговорочно согласиться с мнением, что поскольку православие не имеет непосредственного отношения к экономике, то «нет ничего более противоестественного, как пользование понятиями «христианская экономика» и «православная экономика» [14, с. 84]. Если этические постулаты христианства интегрированы в экономическую концепцию, а постулаты, в форме недоказанных гипотез, наоборот, исключены из нее, то такую концепцию можно характеризовать как «христианскую» и рассматривать как одну из равноправных систем этической экономики.

Влияние религиозного монополизма на экономическую теорию и практику

Абсолютизация одной религии означает принижение других религий, постулирование ее нравственного превосходства над ними. Данная методологическая ошибка была допущена еще А. Смитом, который исходил из морального превосходства верующих над неверующими и утверждал, что «религия укрепляет естественное чувство долга» [18, с. 172]. Некорректный прием «нравственного сравнения» верований позже был положен В. Зомбартом в основу его теории становления капитализма. Исходя из недоказанной гипотезы о врожденных качествах людей разных национальностей, он противопоставил народ героев и народ торговцев, относя к первому типу германцев, ко второму — евреев. Усматривая особенность еврейского религиозного права в его враждебном отношении к иноплеменникам, он сделал вывод о падении деловой морали евреев и их вине за распространение «капиталистического духа» в Европе. Приведенное ученым категоричное суждение о польских евреях со всей очевидностью показывает влияние его идей на формирование идеологии национал-социализма: «Честность и правосознание были ими утрачены совершенно так же, как и простота и правдивость... Испорченность польских евреев отомстила им за себя кровью и имела последствием то, что остальное еврейство в Европе одно время было заражено польским духом» [10, с. 331].

Российские авторы нередко повторяют «ошибку Смита» и используют ценностное сравнение религий в качестве научного метода. Так, И. Розмаинский исходит из того, что нормы христианской культуры защищают капиталистическую систему от распада, а поэтому «из-за дехристианизации нормы, предписывающие выполнять обещания, не обманывать партнеров... могут начать постепенно отмирать» [16, с. 37]. При этом подразумевается, что представители других религий, в том числе ислама и иудаизма, более склонны к обману. Такой подход в своей крайней форме сводится к противопоставлению по религиозному признаку «хорошей» и «плохой» экономических систем и выводу, что «существует экономика русской цивилизации и экономика Талмуда» [11, с. 62].

Вторым последствием религиозного монополизма является создание предпосылок для проникновения в экономическую науку новых религиозных верований и новых недоказанных гипотез. Опираясь на прецедент, когда постулаты одной религии получают признание в научных работах, некоторые авторы предлагают экономические концепции, основанные на собственных верованиях, что открывает неограниченный простор для религиозного новаторства в экономике. Так, теория экономического развития О. Воложаниной базируется на авторской системе постулатов, включающей элементы православия, эзотерики и квантово-механической теории, которая, по мнению автора, не имеет ограничений для применения в общественном знании. Исходя из гипотезы о наличии у человека биополя и центров психической энергии (чакр), автор вводит понятие эгрегора экономического субъекта, это — его энергоинформационная система, или «тонкое (астральное) тело ментального, психологического и духовного уровня, совокупность идей, парадигмальных установок, мыслеформ, эмоций и энергий». Религиозные и естественнонаучные элементы концепции объединены автором посредством гипотезы о наличии двустороннего энергетического потока, связывающего тело человека с его сознанием: восходящий поток уходит в Космос, а нисходящий поставляет энергию Космоса, которая поддерживает «божественную искру» сознания. Если в духовном плане автор в целом следует православной парадигме, то в методологическом плане для развития современной теории фирмы он предлагает учитывать «достигнутое квантово-механической теорией приращение знаний в отношении сущности, институциональной

структуры и механизмов развития социально-экономических систем» [7, с. 7, 67–83].

Попытка построения «гиперборейской экономики» на основе веры в древнюю внесемскую цивилизацию Гиперборею предприняли А. Недосекин и Е. Рейшахрит, в то время как эта гипотеза оспаривается рядом историков [13]. Следуя принципу религиозного монополизма, создатели новой веры отвергают этические принципы христианства, в том числе постулат о равенстве людей, и исповедуют взгляд на сущность человека, сходный с биологической концепцией В. Зомбарта. Предполагая существование высших и второстепенных наций, а также «кармическое» неравенство людей, они выделяют два типа человека. «Гиперборейская знать» (аналог «героя» у Зомбарта) призвана от рождения к руководству Россией и отличается от обычных людей наличием «инстинкта служения высшим моментам жизни», поэтому она не вправе дожидаться, когда ее призовут на служение, отметят и куда-нибудь выберут. Наоборот, «барыга» (аналог «торговца») ничто лишен чести, он при каждой возможности «принимается наводить собственные порядки, скупая и подкупая всё на свете, раскрепощаясь и дичая на глазах». Построение «гиперборейской экономики» предполагает доминирование новой веры, решительную «дебаширизацию» хозяйства, отмену традиционного избирательного права, закрепление в Конституции особой роли Знати [13, с. 5, 64, 72, 76–77, 92].

Третьим последствием религиозного монополизма являются создаваемые им предпосылки религиозного фанатизма. А. Дугин пишет: «Россию могут спасти только фанатики. Например, фанатики православной веры... Только такие люди способны изменить инерционный сценарий, осуществив колоссальные потрясения. Это можно сделать только во имя национальной идеи и через полноценный террор и репрессии». Религиозный монополизм в своей крайней форме выражается у автора в концепции идеократии — доминировании в обществе идеологической надстройки с сильнейшим религиозным компонентом. Такая общественная система может, по его убеждению, привести в перспективе к исчезновению атеистов и неверующих, а также экономики как таковой. В результате усиления взаимосвязи религиозного и политического монополизма страну может возглавить «сверхчеловек», поднявшийся над своей кровью и национальностью» [9, с. 282–283, 376–377].

И, наконец, четвертым последствием религиозного монополизма являются попытки

ввести в экономическую практику «православные институты», причем на особых условиях. Религиозный монополизм здесь переходит в экономический монополизм, ведущий к снижению эффективности экономики. О. Скузоватова предлагает реализовать модель «православного банка», которая, по ее словам, «опирается на единственный доступный в настоящее время первоисточник древних времен — Библию». Исходя из негативного отношения традиционных религий к ростовщичеству и принимая за образец «исламский банкинг», автор предлагает ограничить процент по кредиту величиной издержек банка [17, с. 128, 131]. Однако понятно, что в таком банке процент по депозиту также будет минимален, и он не выстоит в свободной конкуренции с другими банками без поддержки государства. Д. Любомудров поддерживает идею «православного банкинга», а в качестве православной альтернативы фондового рынка предлагает применять инвестиционный договор с прямым распределением рисков, из которого нельзя выйти в любой момент без существенных потерь. Но способен ли предложенный механизм «крепостных» инвесторов конкурировать со свободным рынком капиталов? Автор сам признает, что на практике «использование данных систем уступает фондовому рынку» [12, с. 9]. Таким образом, предлагаемые элементы «православной экономики» неэффективны и могут быть реализованы лишь при поддержке государства, т. е. в условиях государства одной религии.

Мы заключаем, что идея религиозного монополизма весьма прочно утвердилась в российской экономической литературе, что негативно влияет на духовное и социально-экономическое развитие общества. Данная проблема обходится учеными-экономистами и не обсуждается гражданским обществом, что порождает некий пессимизм в отношении перспектив ее решения. Поэтому признавая религиозный монополизм источником социальных и духовных потерь для общества, авторы нередко считают систему религиозного плюрализма «сложной для реализации с психологической и нередко практической точки зрения» [15, с. 34].

От религиозного монополизма к эмпирическим исследованиям

Преодоление религиозного монополизма в экономической науке необходимо для придания ее выводам общезначимого характера, который свойственен всем общественным наукам «именно потому, что в них познающий

субъект находится всегда на расстоянии по отношению к познаваемому предмету» [5, с. 548]. Принцип равной удаленности экономиста от всех религий создает предпосылки для объективного позитивного анализа фактора религии в экономике, который основан на статистическом анализе эмпирических данных.

Современные основы экономики религии были заложены К. Эззи и Р. Эренбергом. Авторы следовали принципам «экономического империализма» и обобщили модель распределения времени в семье посредством включения в нее религиозной деятельности, приносящей выгоду трех видов: «потребление после смерти», чувство общности с другими верующими и расширение карьерных возможностей [23]. Позже Л. Яннаконе расширил понятие человеческого капитала и определил «религиозный капитал», который образуется вследствие затрат времени и труда и в процессе религиозной активности приносит верующему доход в форме религиозного удовлетворения [29]. Также он обосновал применение концепции рационального выбора при анализе религиозных институтов как производителей «религиозных благ», оптимизирующих значения таких показателей, как численность прихожан, посещаемость религиозных служб, объем доступных ресурсов, размер государственной помощи [30].

В условиях доминирования принципа религиозного плюрализма центральным объектом исследований становится конкурентный рынок религий. В то же время в рамках экономико-правового исследования показано, что абсолютная независимость религии от государства в принципе невозможна, поскольку рынок религий тесно связан с множеством товарных рынков, для которых государственное вмешательство является обычным явлением [34]. Исследовано влияние фактора разнообразия религий на уровень религиозности: если на товарном рынке увеличение разнообразия продуктов вызывает рост числа потребителей, то на «рынке религий» возможна иная ситуация. Наличие несовместимых религиозных доктрин повышает для потенциального «потребителя» религии неопределенность выбора, и он несет издержки «сомнения», и если они превосходят выгоду от разнообразия, то «потребитель» не принимает ни одну религию, и число верующих падает [28]. Исследован такой индикатор «рынка религий», как плотность верующих — их удельный вес в общей численности населения. Показано, что рост плотности ведет к увеличению религиозности верующих,

уровня их образования и доходов за счет возрастания числа социальных взаимодействий, более действенной помощи религиозных институтов в кризисных ситуациях, лучшей посещаемости религиозных школ [26].

Принцип религиозного монополизма способствует укоренению ряда догм, в частности убеждения о приоритете для верующего духовных благ над материальными. Такого рода догмы препятствуют объективному исследованию экономического поведения, например, взаимосвязи между доходами и религиозностью. Эмпирические исследования доказывают ее отрицательный характер: поскольку с усилением веры растет значимость «потребления после смерти» по сравнению с потреблением при жизни, то полезность текущего дохода снижается [31]. Показано, что степень религиозности сокращается в среднем на 50 % при переходе развивающейся страны в разряд развитых стран [35]. Обычно авторы исходят из гипотезы, что в период спада падают доходы и альтернативные издержки религиозной деятельности, а поэтому следует ожидать усиления религиозности. Однако эта закономерность нарушается из-за возможных компенсирующих эффектов: рост может усилить неравенство доходов и привести к улучшению технологии производства «религиозного продукта», в итоге религиозность может возрасти [32].

Объективные сравнительные исследования экономического поведения приверженцев разных религий и атеистов также несовместимы с религиозным монополизмом. Показано, что трудовая этика у верующих выше по сравнению с неверующими, но она также выше и у граждан бывших соцстран [33]. Проведено

сравнение склонности протестантов, католиков и атеистов к затратам на общественные блага: у протестантов и атеистов она оказалась больше, чем у католиков [24]. Выявлены различия в силе воздействия делового цикла на религиозную активность в зависимости от вероисповедания [27].

Таким образом, в условиях доминирования принципа религиозного плюрализма методы современной микроэкономики и статистического анализа успешно используются для исследования экономического поведения верующих и неверующих, в частности, для проверки гипотез о сравнительной ценности для них материальных и духовных благ.

Заключение

Исследования фактора религии в работах российских экономистов нередко подвержены искажающему влиянию религиозного монополизма, что ставит под вопрос научную значимость полученных ими выводов. Этические постулаты той или иной религии могут составлять ценностный базис экономической концепции, которая с научной точки зрения равноправна с другими этико-экономическими концепциями. Однако постулаты религии, имеющие форму реальных событий, но не подтвержденные научными методами, четко и недвусмысленно следует трактовать как недоказанные гипотезы. Идея религиозного монополизма негативно влияет на духовное и социально-экономическое развитие общества и экономической мысли, а также препятствует свободному развитию эмпирических исследований в области взаимодействия религии и экономики.

Список источников

1. Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму: сб. статей (1896–1903). — СПб.: Общественная польза, 1903. — 347 с.
2. Булгаков С. Н. О рынках при капиталистическом производстве. — М.: Астрель, 2006. — 522 с.
3. Булгаков С. Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. — СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. — 735 с.
4. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Теоретическая социология: антология в 2-х ч. / под ред. С. Баньковской. Ч. 1. — М.: Университет, 2002. — 424 с. — С. 147–215.
5. Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. — М.: РОССПЭН, 2006. — 656 с.
6. Веблен Т. Теория праздного класса. — М.: Либроком, 2015. — 368 с.
7. Воложанина О. А. Теория и методология развития социально-экономических систем. — Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2010. — 225 с.
8. Гильманов А. З., Соловьев М. М. Православие как фактор развития рыночных отношений в современной России // Вестник экономики, права и социологии. — 2014. — № 3. — С. 191–193.
9. Дугин А. Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. — СПб.: Амфора, 2007. — 381 с.
10. Зомбарт В. Буржуа: к истории развития современного экономического человека. — СПб.: Владимир Даль, 2005. — 638 с.
11. Катасонов В. Ю. Экономика от лукавого // Экономические стратегии. — 2014. — № 4. — С. 58–66.

12. Любомудров Д. В. Православный банкинг — новый инструмент для нового поколения бизнесменов // Экономические стратегии. — 2010. — № 11. — С. 2–9.
13. Недосекин А. О., Рейшахрит Е. И. Мобилизационная экономика по-русски. — СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2015. — 124 с.
14. Платонов Д. Православие в его хозяйственных возможностях // Вопросы экономики. — 1993. — № 8. — С. 82–96.
15. Розанова Н. М. Экономический анализ института церкви // Terra Economicus. — 2005. — № 3. — С. 24–35.
16. Розмаинский И. В. Дехристианизация в Западной Европе и современные институты капитализма // Terra Economicus. — 2015. — № 1. — С. 30–42.
17. Скузоватова О. Г. Концепция «православного банка» как переходная модель к новому этапу развития финансово-экономической теории // Вестник ОГУ. — 2015. — № 8. — С. 128–132.
18. Смит А. Теория нравственных чувств. — М.: Республика, 1997. — 350 с.
19. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо, 2009. — 956 с.
20. Туган-Барановский М. И. Психические факторы общественного развития // Мир Божий. — 1904. — № 8. — С. 2–28.
21. Туган-Барановский М. И. Современный социализм в своем историческом развитии. — СПб.: Будущность, 1906. — 260 с.
22. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. — 571 с.
23. Azzi C., Ehrenberg R. Household allocation of time and church attendance // Journal of Political Economy. — 1975. — Vol. 83. — No. 1. — P. 27–56.
24. Benjamin D. J., Choi J. J., Fisher G. W. Religious identity and economic behavior // NBER Working Paper 15925. 2010 [Электронный ресурс]. URL <http://www.nber.org/papers/w15925> (дата обращения 30.04.2017).
25. Bridgman T. P. Hyperboreans: Myth and history in Celtic-Hellenic contacts. — N.Y.: Routledge, 2005. — 249 p.
26. Gruber J. Religious market structure, religious participation, and outcomes: Is religion good for you? // Advances in Economic Analysis and Policy. — 2005. — Vol. 5. — No. 1. — P. 1–30.
27. Harris R. J., Medcalfe S. Religion participation and economic recession // Journal of Economics and Economic Education Research. — 2015. — Vol. 16. — No. 1. — P. 55–59.
28. Hull B. B., Bold F. Product variety in religious markets // Review of Social Economy. — 1998. — Vol. LVI. — No. 1. — P. 1–19.
29. Iannaccone L. R. Religious practice: A human capital approach // Journal of the Scientific Study of Religion. — 1990. — Vol. 29. — No. 3. — P. 297–314.
30. Iannaccone L. R. Voodoo economics? Reviewing the rational approach to religion // Journal of Scientific Study of Religion. — 1995. — Vol. 34. — No. 1. — P. 76–89.
31. Lipford J. M., Tollison R. D. Religious participation and income // Journal of Economic Behavior and Organization. — 2002. — Vol. 51. — P. 249–260.
32. McBride M. Religious market competition in a richer world // *Economica*. — 2010. — Vol. 77. — P. 148–171.
33. McCleary R. M., Barro R. J. Religion and economy // Journal of Economic Perspectives. — 2006. — Vol. 20. — No. 2. — P. 49–52.
34. McConnell M. W., Posner R. A. An economic approach to issues of religious freedom // The University of Chicago Law Review. — 1989. — Vol. 56. — No. 1. — P. 1–61.
35. Strulik H. Secularization and long-run economic growth // Economic Inquiry. — 2016. — Vol. 54. — No. 1. — P. 177–200.